

Г. М. ДАВЛЕТШИН
(Казань)

ЗАВЕТНЫЕ ПРЕДАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ

Рецензия на: Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России: пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 720 с.; ил.

В детстве, в родной татарской деревне, я слышал рассказы старших односельчан об опасностях, угрожающих тем, кто окажется в бане в полночь. Ребята спорили, решится ли кто-нибудь принести оттуда камень ночью. Я отважился и принес черный, закопченный камень. Однако мои сверстники не оценили моего подвига.

Баня в жизни татар издавна играла важную роль. Одна из характерных особенностей булгарских и золотоордынских городов — наличие многочисленных бань. Булгарские бани славились далеко за пределами края. Средневековые географы зачастую не находили других слов о Булгаре, кроме упоминания о распространении там мусульманской религии ханефитского толка и благоустроенных бань.

В городах Волжской Булгарии археологами были исследованы более десяти общественных бань. Они обустроены системой подпольного отопления, водопроводами с холодной и горячей водой, керамическими трубами канализации, бассейнами и фонтанами. Оздоровительный эффект бань был хорошо известен. Существуют татарские легенды, повествующие об излечении среднеазиатскими мусульманскими миссионерами булгарской царевны Туйбике от паралича березовым венником. После этого, согласно договоренности, булгары принимают ислам, а один из лекарей берет в жены булгарскую царевну.

Бани средневекового Востока, так же как и античные, имели не только санитар-

но-оздоровительное назначение, но были и местом отдыха. При раскопках бань на Булгарском городище были найдены шашки, шахматные фигурки, детали музыкальных инструментов, фрагменты дорогой посуды.

В позднейшее время баня сохраняла важную роль в жизни татар. С ней были связаны многочисленные обряды. Жизнь человека начиналась с омовения в бане; после его похорон участники погребального обряда непременно должны были мыться в бане. Молодожены после обряда *никах* должны были идти в баню (кия мунчасы — баня жениха) и т. д. Существовали представления о мифическом хозяине бани (мунча иясе — ср. русск. «банник»). С ним почтительно здоровались, когда входили в баню, и прощались, когда уходили. Хозяин бани не любил, когда после мытья оставляли баню неприбранной, не выливали использованную воду.

В рецензируемой книге известного английского слависта, члена Британской академии, президента Британского общества фольклористов В. Ф. Райана о банях, в частности, полночных, сообщается немного. Однако название книги выбрано настолько удачно, что оно оказалось привлекательным и для широкого читателя. Подзаголовок названия книги определяет ее содержание — исторический обзор магии и гаданий в России.

По замыслу автора, его книга не претендует на глубокие теоретические обобщения, а просто представляет собой обзор материала. Но этот обзор подготовлен профессионально, умело, детально систематизирован и вписан в историко-культурный контекст. По своей сути и содержанию это не просто обзор, а «фундаментальный обзор», не только сводка сведений о магии и гаданиях в России, а подлинное многоаспектное исследование или даже целый блок взаимосвязанных исследовательских разработок.

Реальная история любого народа — не только развитие экономики и социально-политического строя, но и все многообра-

зие его духовной жизни. Изучение традиционных компонентов духовной культуры народа позволяет понять ход исторического процесса во всей его полноте и глубине.

Магия и гадания — области духовной жизни, тесно связанные с практической деятельностью людей. В прошлом они были непосредственно связаны с многими сферами человеческой деятельности. В глазах русского человека эпохи средневековья магия дополняла его представления о мироустройстве и рассматривалась как один из методов воздействия на окружающий мир с целью облегчения человеческого существования, прогнозирования будущего.

Актуальность книги В. Ф. Райана в том, что она появилась в нужное время и в нужном месте. Российский читатель найдет в ней сторонний взгляд на свою историю, свой духовный мир. Она весьма актуальна, поскольку на всем постсоветском пространстве активизировались неоязыческие тенденции, вера россиян различным предсказателям, «лекарям», «снадобьям», магам. Впрочем, автор предупреждает, что «история современного оккультизма, а также фабрикация и распространения современных гадательных книг в данной работе не рассматривается» (с. 18).

Вера в магию и гадания сохраняется и в наши дни, приобретает новые формы, зачастую обращаясь к материалам из старинных книг и даже из новейших научных публикаций. Нельзя исключать возможности того, что и книга В. Ф. Райана может быть использована с подобными целями. Сам автор в конце своей книги пишет: «В постсоветских условиях вседозволенности и идеологического коллапса под влиянием западного нью-эйджизма и при поддержке неразборчивых в средствах дельцов такие практики продолжают процветать» (с. 619).

Архитектоника книги безупречна, так что она может быть использована как справочное издание. Нужный читателю материал легко найти благодаря подробному, хорошо структурированному оглавлению и указателю. Это очень удобная и практичная энциклопедия русской магии и гаданий. Книга богато иллюстрирована, причем зачастую были привлечены уникальные иллюстрации, она читается легко, с большим интересом.

В дореволюционной и советской России было опубликовано немало исследований, посвященных тематике рецензируемой книги. Автор хорошо знаком с большинством из них и умело их использует.

Обширная библиография книги поражает своей полнотой. В. Ф. Райан сумел познаться, в частности, с множеством редких и труднодоступных даже для российского читателя отечественных изданий.

Особую ценность для российского читателя представляет исключительно полная библиография изданий, посвященных России, на иностранных языках. Вполне естественно, в российской части библиографии имеются некоторые пропуски.

Среди публикаций, посвященных магии и гаданиям, наличествуют недостоверные, содержащие домыслы и даже фальсификации. К сожалению, хотя и очень редко, В. Ф. Райан порой обращается и к таким работам.

Структура книги включает предисловие и 16 глав, посвященных различным сферам магии и гаданий. В числе этих глав могут быть выделены первая и последняя. Первая — исторический очерк; заключительная — посвящена взаимоотношению магии с церковью, государством и законодательством.

Предисловие к русскому изданию является ключом к пониманию многих сюжетов, описываемых в книге. Это наиболее теоретическая часть монографии, в которой раскрываются методология и проблематика исследования.

Исследование основано на весьма обширной источниковой базе, включающей публикации записок иноземных путешественников, посещавших Россию, купцов, военных, дипломатов, врачей. Это различного рода книжные и фольклорные тексты, не только славянские, но и латинские, еврейские, арабские и т. д., церковная и светская литература. Автор часто обращается к русской классической художественной литературе.

Автор не скрывает от читателя трудностей, связанных с интерпретацией рассматриваемых им источников, их своеобразную «коварность». Как правило, но все-таки, не всегда, он умело с этими трудностями справляется. Тема и объект исследования В. Ф. Райана, казалось бы, необъятны и тяготеют к «дурной бесконечности». Но автор сумел жестко ограничить сферу своих интересов и при этом сфокусировать свое внимание на таких аспектах избранной им проблематики, которые зачастую не приходили в голову российским исследователям.

Вопросы семиотики русской духовной культуры разбираются в книге В. Ф. Райана с присущей ему широтой и глубиной анализа. Он прекрасно понимает значение

специфической терминологии магических и гадательных текстов. В конце ряда глав и разделов он помещает весьма важные обширные комментированные списки терминов — плод кропотливой работы автора (с. 104). В. Ф. Райан предлагает читателю квалифицированный, тщательный этимологический анализ русских терминов, практически во всех случаях показывая себя великолепным специалистом по русскому языкознанию (с. 246).

В. Ф. Райан — блестящий представитель западноевропейской школы исследователей духовного мира людей прошлого. В исследованиях такого плана Запад всегда шел впереди. Особенно заметным было отставание отечественных ученых в советское время, когда духовный мир и традиционный быт простых людей мало интересовал исследователей. В эпоху воинствующего атеизма такие явления, как магия и гадания, рассматривались идеологами коммунизма как вредоносный хлам прошлого.

В. Ф. Райан склонен рассматривать духовный мир средневекового человека как единое целое. Любые попытки изучать его по частям ведут к искажению общей картины. Искусственным представляется и разделение феноменов традиционной культуры на низшие и высшие. Автор, обращаясь к подобным распространенным в литературе определениям, трактует их более широко, условно. «Противопоставления вроде “высокий — низкий”, “ученый — народный” всегда достаточно рискованны и могут быть неправильно поняты теми, кто рассматривает русскую культурную историю с позиций современного западноевропейского модернизма» (с. 49). В методологическом плане это положение очень важно для любого исследователя духовной культуры. Подобных методически полезных указаний в книге В. Ф. Райана немало. В частности, он пишет, что религиозная вера могла ужиться с предрассудками, магией и даже научными знаниями (с. 47). Это положение имеет большое значение для изучения истории науки.

По мнению автора, изначально наиболее распространенным видом магии у восточных славян был шаманизм (с. 30). С этим можно согласиться, однако хотелось бы знать, что именно он имеет в виду, употребляя этот термин. В специальной литературе он нередко используется произвольно.

В рецензируемой книге автор часто прибегает к сопоставлениям, прежде всего с известным ему западноевропейским ма-

териалом. Это очень полезно для русского читателя. Как справедливо утверждает В. Ф. Райан, до последнего времени российские исследователи были склонны игнорировать западные материалы, сосредоточиваясь преимущественно на византийских и отчасти финских аналогиях (с. 313). Особого внимания заслуживают приводимые им многочисленные параллели из обрядов и верований англичан, шотландцев, датчан, греков и других неславянских народов Европы.

Сразу же после публикации англоязычной версии книги В. Ф. Райана на нее был опубликован ряд рецензий, часть из которых были написаны российскими авторами. Довольно много рецензий вызвало и появление ее русского перевода. Ряд рецензий носит критический характер. Часть рецензентов недовольна методологическими посылками автора или тем, что автор не посчитал нужным углубляться в теоретические рассуждения. Думается, что подобные претензии к В. Ф. Райану неуместны, поскольку он сформулировал свою задачу как создание обзорной работы, призванной ознакомить западного читателя с малоизвестными ему восточнославянскими материалами. Другие рецензенты указывают на отдельные промахи и недочеты автора, связанные с используемыми источниками и их интерпретацией. Этим критикам можно возразить: в книге, написанной по российским источникам иностранцем, можно было ожидать гораздо больше неточностей и несообразностей.

Все же один достаточно серьезный упрек В. Ф. Райану может быть предъявлен. Он касается сравнительных материалов. Дело не в том, что их привлекается мало, а в том, что для сравнения очень ограничено используются материалы ближайших соседей восточных славян, прежде всего народов Поволжья.

Взаимодействие славян с иноязычным населением Восточной Европы в сфере магии и гаданий имеет весьма древние корни. Можно вспомнить обращение новгородца к чудскому волхву (Начальная летопись под 1078 г.), гадание половецкого хана Боняка (союзника русских) перед боем, найденную в Новгороде берестяную грамоту XIII в. с заклинанием на карельском языке. В XVI в. русские обращаются к иноплеменным «арбуям», в XVII в. русский обучается гаданию у «отина» (удмурта), в Прибайкалье русские казаки прибегают к помощи туземного шамана. Примеры подобного «международного» сотрудничества весьма многочисленны.

Когда же речь идет о взаимодействии русских с народами Поволжья, то здесь мы имеем дело с особенно тесным сплетением исторических судеб. Эти народы в прошлом не только принадлежали к одному хозяйственно-культурному типу. Они также веками жили не просто по соседству, но и чересполосно. При этом шел многовековой процесс славянизации и тюркизации значительной части поволжско-финнского населения (сопровождаясь, соответственно, христианизацией и исламизацией). Масштабы этих процессов трудно переоценить. Напомним, что ряд историков был склонен считать основой русского (великорусского) народа славянизированных финно-угров. В результате процессов ассимиляции полностью исчезла такая крупная народность, как мера. Тесное переплетение исторических судеб не могло не порождать синкретических феноменов, в частности, в сфере духовной культуры. Достаточно вспомнить арабское по происхождению слово «кереметь», использовавшееся чувашским, марийским и удмуртским населением, а также русскими Поволжья.

Недостаточная проработка вопроса о взаимодействии суеверий русского населения с сходными явлениями иноязычного населения Восточной Европы не могла обратить на себя внимание рядового англоязычного читателя. Для него выражения «в России» и «у русских» звучат как синонимы. Между тем для русскоязычного читателя слова «в России» означают «у народов России». В. Ф. Райан, выдающийся историк и филолог, мог бы в данном случае подняться над уровнем рядового англоязычного читателя. В результате подобного подхода в его книге выпало весьма существенное для составления объективной общей картины звено, важное для характеристики этнической и культурной истории русского народа. Вообще говоря, он пишет о своих затруднениях, связанных с использованием таких терминов как «Россия», «русский» (с. 21), но разбирает этот вопрос слишком бегло. Во всяком случае, то, что в качестве сравнительного материала балканские или даже англосаксонские материалы используются чаще, чем данные, связанные с народами Поволжья, представляется неоправданным. Справедливости ради надо сказать, что автор в ряде случаев обращается к финно-угорским и тюрко-татарским материалам. Однако для создания ясной картины этого недостаточно. Среди малоизвестных русскоязычному читателю западных ис-

следований суеверий неславянских народов Восточной Европы отметим широко используемые В. Ф. Райаном и весьма полезные для российских ученых книги, посвященные шведам Финляндии и немцам Поволжья.

Привожу некоторые параллели к русским магическим и гадательным текстам и практикам в материалах народов Поволжья, преимущественно татар.

Некоторые авторы считают, пишет В. Ф. Райан (с. 33), что двоеверие — явление исключительно русское. Другие авторы категорически возражают против использования этого термина, считая его неправомерным. Сам В. Ф. Райан этот сюжет не развивает. Отметим, что данный вопрос в свое время разбирался в трудах академика Б. А. Рыбакова и многих других исследователей. В данном случае мы солидарны с мнением А. Г. Юрченко, согласно которому «термин “двоеверие” удобен как инструмент, позволяющий исследователю расщепить на составные части некое цельное явление»¹. Иными словами термин «двоеверие» может связываться не только с русским народом, и даже не только с христианскими народами, но и с такой мировой религией как ислам. Перезиткам доисламских верований у ряда мусульманских народов посвящена значительная специальная литература. Конечно же, неправомерно отрывать «мордовскую веру», проповедовавшуюся Кузьмой Алексеевым («Кузька — мордовский бог»), от двоеверия и суеверия русского народа. Напомню, что мордовский Олимп состоял из христианских персонажей, однако с исключением из него самого Иисуса.

На с. 58 и 194 В. Ф. Райан рассматривает предсказания по поведению животных, в частности по лаю и вою собак. Такие предсказания издавна известны у тюркских народов. Ибн Фадлан сообщает, что волжские булгары «считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собаки, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия»².

¹ Юрченко А. Г. Какой праздник отметил хан Узбек в июне 1334 г. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.). 17 марта 2009 г.: сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 110—126.

² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Исследование по Мешхедской рукописи. Харьков, 1956. С. 135.

На с. 59 В. Ф. Райан пишет: «Возможно, представление о дурном глазе пришло к восточным славянам из Византии». Между тем, он сам чуть выше пишет, что «вера в дурной глаз широко распространена во всем мире», что гораздо более справедливо. Ибн Фадлан и ал-Гарнати пишут о вере средневековых болгар в «дурной глаз».

На с. 90—94 В. Ф. Райан рассматривает вопрос о магических местах (локусах) и направлениях, в частности перекрестках дорог. Отметим, что древние тюрки и половцы устанавливали свои каменные изваяния и «вечные камни» на развилках дорог или на «остановках»³ и каждый проходивший или проезжавший человек кланялся им и совершал жертвоприношение⁴.

На с. 206 рассматривается малоизвестное у русских гадание по лопатке барана. Такое гадание было широко распространено у тюрко-монгольских народов с древнейших времен. Обычно гадали, нагревая на огне лопаточную кость животного. Если кость трескалась вдоль, то это считалось хорошим знаком, если поперек, то недобрый. В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) есть такой афоризм: «Йарын булганса, эл булганур» («Если потускнеет лопаточная гадальная кость, для народа наступит тревожное время»). Подобные предсказания считались очень надежными. Для таких гаданий монгольские ханы строили специальные здания и держали в них служителей. Лопаточные кости барана с трещинами и прочерченными линиями встречаются среди археологических находок, относящихся к домонгольскому периоду. В них могли быть проделаны небольшие отверстия, очевидно, для того, чтобы в них можно было продеть нитку и повесить амулет на какое-либо сооружение или на себя. Такое использование лопатки барана было известно у волжских болгар еще в домонгольский период. Рассматриваемый обряд гадания практиковался у татар до недавнего времени.

На с. 291 говорится об особом суеверном отношении к пожару, вызванному ударом молнии — «Божьей волей», — который можно потушить с помощью яиц, пива, кваса, молока или бросив в огонь белого голубя. По представлениям казанских татар, удмуртов и чувашей, огонь, зажженный молнией, нельзя было воро-

шить, заливать водой. Для тушения использовалось молоко черной коровы⁵. Башкиры и восточные марийцы для этой цели употребляли кислое молоко⁶. Все это можно рассматривать как отголоски бытовавшего в древности обряда жертвоприношения богу молнии.

На с. 33 упоминается небесное знамение, представлявшее собой видение военного столкновения. Оно описывается в Начальной летописи под 1064 г. в составе цитаты из византийской хроники. Ибн Фадлан упоминает восприятие болгарскими тахи небесных явлений, как гром и молния в качестве сражения двух отрядов всадников.

В. Ф. Райан пишет о том, что хиромантия, как правило, относится к числу женских гадательных практик, причем настоящими специалистами в этой области считались цыганки и татарки (с. 236). Автор ссылается на источник XVII в. В нашем распоряжении нет ни одного свидетельства о распространении хиромантии среди татарок Поволжья. Возможно, утверждение автора относится к крымским татарам.

Список тюрко-славянских параллелей может быть значительно расширен: поверье о том, что остановить смерч можно, поразив его ножом (с. 65); опахивание деревни для защиты от эпидемии (с. 256); куриный бог (амулет-оберег домашней птицы) в виде камня или сосуда с отверстием (с. 317); использование таких талисманов, как громовые стрелы и топорки (с. 320) и т. д.

Книга В. Ф. Райана представляет собой фундаментальное исследование глубинных корней русской культуры. Она является наиболее полным и обстоятельным изложением материала о русской магии в контексте всемирной истории магии и гаданий, весьма ценным новаторским исследованием. Несмотря на то, что после его публикации на английском языке прошло уже более 10-и лет, оно и сегодня остается настольной книгой многих исследователей и оказало влияние на целый ряд новых публикаций российских ученых.

⁵ Насыйри Каюм. Сайланма әсәрләр: 2 т. Казан, 1974—1975. Т. 1. С. 159; Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия общества археологии, этнографии и истории. 1884. Т. 7. С. 221; Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша // Известия общества археологии, этнографии и истории. 1912. Т. 18. Вып. 1—3. С. 20.

⁶ Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 356.

³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М., 1951. С. 35.

⁴ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974. Вып. 142. С. 5.